

УДК 82-312.1

DOI: 10.34670/AR.2021.15.30.035

**Русский человек на rendezvous
(по роману Е. Водолазкина «Авиатор»)**

Анастасьева Ирина Леонидовна

Кандидат культурологии,
доцент,

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, 1;
e-mail: anastasyevairina@gmail.com

Аннотация

В статье предпринята попытка провести литературные параллели между романом Е. Водолазкина «Авиатор» и некоторыми произведениями русской литературы, в том числе, повестью И.С. Тургенева «Ася», а также актуализировать основные авторские идеи, сформулировать цели, задачи, решаемые им в данном произведении, и коснуться темы реминисценций и аллюзий на иные художественные произведения и библейские сюжеты. Основная цель исследования — выявить культурный контекст сегодняшней эпохи сквозь призму поступков современного литературного персонажа. Поскольку в романах Водолазкина огромную роль играют стилистика, семантика создаваемых образов и времени, которому принадлежат герои, то необходимо выявить — хотя бы в общих чертах — механизмы изменения смысла, заложенного в характеристику героя, которая часто не коррелирует с его поступками. Художественная манера писателя крепится на путях средневековой эстетики, и, создавая новый литературный мир, автор не может разорвать те нити, которые связывают его творчество с аксиологией до-ренессансной. Одновременно с обращением к нравственным общечеловеческим ценностям автор поднимает очень важную, по-прежнему актуальную, проблему покаяния перед невинными жертвами сталинских репрессий.

Для цитирования в научных исследованиях

Анастасьева И.Л. Русский человек на rendezvous (по роману Е. Водолазкина «Авиатор») // Культура и цивилизация. 2021. Том 11. № 5А. С. 293-299. DOI: 10.34670/AR.2021.15.30.035

Ключевые слова

Евгений Водолазкин, "Авиатор", И.С. Тургенев, литературные реминисценции, средневековая эстетика.

Введение

Хотя роман Евгения Водолазкина «Авиатор» был опубликован пять лет назад (2016), он до сих пор не был глубоко исследован и изучен. Литературные критики не спешат выносить приговор произведению, может быть, у них нет четкого мнения, представления о нем. Единственное, что бурно обсуждается как скептиками, так и восторженными почитателями таланта Водолазкина, — это литературные параллели, аллюзии на произведения предшественников. И современников (например, на «Обитель» Захара Прилепина). Роман и впрямь очень «литературный». Чаще всего писателя сравнивают с Умберто Эко, Габриэлем Гарсиа Маркесом, Ф.М. Достоевским. Действительно, пробуждение Иннокентия Платонова, главного героя «Авиатора», в состоянии полного неведения относительно того, где он находится и что с ним произошло, отчасти напоминает завязку романа Эко «Таинственное пламя царицы Лоаны», на страницах которого описана попытка уже не молодого букиниста, пережившего инсульт, восстановить память с помощью своих детских впечатлений и вещей: книг, комиксов, газетных вырезок. Но обоих писателей интересует нечто большее, нежели способность человека реанимировать прошлое: прежде всего, соотношение индивидуальной жизни и общественной, общекультурной и общеисторической. Нас будет интересовать, в первую очередь, вопрос о том, как литературные реминисценции, которые использует в тексте автор, раскрывают его представление об особенностях сегодняшней культурной жизни, какие нравственные принципы постулирует писатель в тексте и каково его представление о главном литературном персонаже нынешней эпохи.

Темпоральные и локальные детерминанты в художественном тексте Евгения Водолазкина

Огромную роль в романе «Авиатор» играет полуфантастический хронотоп, помогающий читателю реконструировать прошлое страны и заглянуть в ее будущее. По настоянию доктора Гейгера, помогающего Иннокентию Платонову восстановить память, тот заносит в дневник как переживания сегодняшнего дня, так и события прошлых лет, всплывающие в его сознании время от времени. В одном из своих интервью Евгений Водолазкин признавался в попытке изобразить героя «Авиатора» «автономным от времени» (в другом интервью он скажет: «одна из основных идей «Авиатора» состоит в том, что надо заботиться о своей личной истории <...> когда человек анализирует свою личную историю и, если угодно, лелеет, он таким образом формирует свое личное, персональное сознание. И <...> если оно развито и человек способен не поддаваться на какие-то нехорошие веяния времени, пресловутого времени, то вот это персональное сознание способно спасти его от многих бед» [Водолазкин, www...]), уйти от влияния времени не получилось. Безусловно, Платонов вспоминает нечто существенное, значимое именно для него, то есть в человеческом восприятии неповторимо индивидуальное: запахи, звук дождя, скрип, стук, цвет — но эти особенности прежней жизни не заполняют в полной мере его воспоминаний, не вытесняют из памяти событий более важных, первостепенных — с точки зрения их общественного содержания.

Полуфантастический сюжет (вспомним и Достоевского, и М. Булгакова, определявших собственный метод как мистический или фантастический реализм) не вызывает ни читательских нареканий, ни удивлений своим неправдоподобием. Иннокентий Платонов был подвергнут криогенной заморозке не где-нибудь, а в ГУЛАГе, на Соловках, и разморожен в конце 90-х гг.

прошлого столетия (что интересно, ни один из сюжетов Евгения Водолазкина не перешагнул в век XXI). Герой ощущает себя Робинзоном Крузо, выброшенным морем на необитаемый остров, — аналогия с необитаемым островом не случайная, ведь в новое время и в новой реальности у Иннокентия Платонова не осталось никого из прежних знакомых и друзей. Ну, или почти никого. В пространстве обоих текстов (Дефо и Водолазкина) большая роль отведена библейской герменевтике: Робинзон — блудный сын, так он называет себя, и в сложных перипетиях жизни повинен он сам, ибо, не послушавшись отца, избрал путь странствий и блужданий. Как пишет современный исследователь Л.Ю. Фуксон, «по художественной воле произведения Робинзон попадает на необитаемый остров в качестве педагогической экзекуции — для осознания (героем и читателем) ценности дома, устройство которого посреди натуральной бесприютности оказывается единственным средством выживания» [Водолазкин, 2021]. Страдания молодого Платонова, героя романа «Авиатор», ничего, кроме сочувствия, не вызывают. В 30-е годы XX столетия он был подвергнут репрессиям по ложному обвинению в убийстве соседа, Зарецкого, написавшего донос на отца возлюбленной Иннокентия — Анастасии (вспомним пушкинского Зарецкого, соседа Онегина и Ленского, отчасти виновного в гибели юного поэта). И лишь в самом конце романа становится известно, что герой действительно повинен в убийстве соседа...

Развязка неожиданная, детективная. Вся книга повествовала о несбывшихся надеждах ни в чем не повинного человека, жизнь, душа, любовь которого были растоптаны, уничтожены безжалостной репрессивной машиной. Вдруг оказывается, что он — убийца, пусть он таким образом и заступился за отца Анастасии, профессора Воронина, погибшего в заключении. И все же он убийца!

Преступление Платонова вызывает в сознании некоторых читателей ассоциацию с преступлением и наказанием Родиона Романовича Раскольников, известного героя Ф.М. Достоевского. Ничего общего между этими двумя произведениями — в глубинном смысле — мне не видится. Раскольников, как известно, убивает ради «идеи», из каких-то собственных соображений, которые ему кажутся гуманными, а читателю — человеконенавистническими. Платонов убивает из мести или бессилия как-то иначе противостоять злу. Единственное, что объединяет романы, это прием дублирования имен, которыми наделены так называемые «сакральные» и «инфернальные» персонажи: два Миколки у Достоевского и два Ворониных у Водолазкина (отец Анастасии и жестокий вохровец на Соловках). Воскресшему Платонову становится известно, что мучитель, издевавшийся над ним и другими зеками, по-прежнему жив и даже благоденствует, получая от государства надбавки к пенсии, и герой отправляется к Воронину домой. Представители властей потребовали от Платонова дать расписку, в которой он подтверждает, что не будет преследовать бывшего вохровца, мстить ему, вымещать на нем свои обиды.

Собственно, Платонов и не собирался брать реванш. Он очень интеллигентен, порядочен; об убийстве, совершенном им самим, читателю пока ничего не известно. Но какова же тогда истинная цель прихода к Воронину? Может быть, это проявление человеческого любопытства, желание увидеть, как другой преступник переживает свой грех, есть ли у *него* раскаяние, прощает ли *он* себя, что с *ним* происходит? Выясняется, что с ним ничего не происходит. Он просто устал, но за этой усталостью не прячутся угрызения совести (покаяния не будет, скажет он бывшему заключенному). Мы ничего не узнаем и о том, простил ли Платонов Воронина. Сцена могла получиться очень сильной, психологически точной, выверенной. Катартической, наконец.

Возникает ощущение, что Евгений Водолазкин, писатель безгранично талантливый, в этом

произведении несколько перемудрил, то есть постарался написать «хорошо сделанный» роман. Очевидно, что тема репрессий, близкая семье писателя, т.к. его дед погиб из-за ложного доноса, — одна из основных. Автор пытается найти ответ на важный для него вопрос: можно ли/нужно ли прощать виновных. В частности, он рассуждает об этом в интервью журналу «Фома» (2016, №9). На вопрос журналиста, почему порой так трудно бывает прощать и кто виноват в массовых репрессиях, может быть, весь народ, допустивший их, Е. Водолазкин говорит о том, что «вина — понятие персональное, <...> она не переходит на другого человека. Об этом говорит нам христианское вероучение. Каждый сам отвечает за себя перед Богом, не может быть коллективной вины» [Водолазкин, 2021].

Но где-то в глубине души писатель не соглашается сам с собой. В очерке «О перемещении предметов», включенном в сборник «Идти бестрепетно», автор размышляет о роли личности в истории и о русском национальном характере; в частности, о нашей готовности признать правоту террора и согласиться с его неизбежностью, необходимостью. Фактически это разговор о коллективной вине. Приведем отрывок из очерка, пусть большой, но важный в контексте нашего разговора: «Я убежден, что не бывает таких всемогущих господ, которые являются к мирно отдыхающим гражданам и организуют жесточайший террор. Террор приходит туда, где к нему готовы. Разработай Иосиф Виссарионович программу истребления народонаселения, скажем, в Швейцарии, он не нашел бы там понимания <...> Террор разворачивается там, где по каким-то причинам на него есть запрос <...> Диктатор — это только функция, которая рождается состоянием общества <...> Если в отношении террора существует готовность его принять, если значительная часть населения сотрудничает с органами не за страх, а за совесть, — значит ли это, что в терроре есть вина общества? Ответ однозначен: да, значит. Следует ли из этого, что главный организатор террора не виноват? Нет, не следует. Сказано ведь, что соблазн должен прийти в мир, но горе тому человеку, через которого соблазн приходит (Евангелие от Матфея)» [Водолазкин, 2021, 179-180].

Влияние основных положений средневековой герменевтики на семантику создаваемых образов

Хотелось бы затронуть еще одну важную, на наш взгляд, тему — о созвучии некоторых идей романа с тургеневскими доктринами. В основе сюжета «Авиатора» лежит история о чистом, романтическом чувстве молодого героя, Иннокентия Платонова, к юной дочери профессора Воронина, Анастасии Ворониной. Любовь Платонова — платоническая, и это не случайный каламбур. Он рыцарь, ведет себя подобно герою средневекового романа, «очень образованный, чрезвычайно гуманный: проникнутый благороднейшим образом мыслей», в его отношениях с Анастасией есть много «высокопоэтических минут» [Н.Г. Чернышевский]. Но финал романа кажется неожиданным. Те ощущения, которые рождаются при прочтении романа Водолазкина «Авиатор», в чем-то тождественны размышлениям Н.Г. Чернышевского о повести И.С. Тургенева «Ася». Чернышевский пишет: «<...> последние страницы рассказа не похожи на первые, и по прочтении повести остается от нее впечатление еще более безотраднее, нежели от рассказов о гадких взяточниках с их циническим грабежом. Они делают дурно, но они каждым из нас признаются за дурных людей; не от них ждем мы улучшения нашей жизни. Есть, думаем мы, в обществе силы, которые пожат преграду их вредному влиянию, которые изменяют своим благородством характер нашей жизни. Эта иллюзия самым горьким образом отвергается в повести, которая пробуждает своей первой половиной самые светлые ожидания» [Водолазкин, 2021].

Тургеневские мужские персонажи очень несовершенны, они пасуют перед женщинами, чаще всего проигрывают в сравнении героинями, наделенными, в свою очередь, возвышенной душой, прекрасными помыслами, бьющей через край жаждой жизни; их чувства рвутся наружу и проявляются с неистощимой силой. Эти героини, как известно, получили определение тургеневских барышень. Таким образом, критик коснулся темы положительного героя в русской литературе. Если мы не будем принимать в расчет женских персонажей, то такого героя не найти ни в современной Чернышевскому прозе, ни в сегодняшних текстах. «Положительный герой — это вообще головная боль литературы Нового времени. Литература Средневековья таких проблем не испытывала», — так в очерке «Поющий в степи» [Водолазкин, 2021, 284-285] Евгений Водолазкин будет объяснять выбор средневекового человека в качестве главного героя романа «Лавр».

«Поэтически-цельного впечатления» «Авиатор» не производит: романтически возвышенные чувства Иннокентия и Анастасии не позволили бы героям связать себя узами брака с другими людьми. Однако мы знаем, что у Анастасии есть внучка. На этой внучке впоследствии женится Иннокентий, и они будут ждать скорого рождения дочки. Проза жизни, скажет читатель?

Иннокентий нашел свою прежнюю возлюбленную в больнице, но она превратилась в старуху, дряхлую, никого не узнающую; женщина не может себя обслуживать самостоятельно, не может ухаживать за собой, поэтому лежит в собственных испражнениях, экскрементах и т.д. Тут уж не до «приятностей счастливой любви». Е. Водолазкин явно, как и в «Лавре», устремлен к средневековью, к эстетике гротескного реализма, о котором писал М.М. Бахтин: «Ведущей особенностью гротескного реализма является снижение, то есть перевод всего высокого, духовного, идеального в материально-телесный план, в план земли и тела в их неразрывном единстве» [Бахтин, www...]. Именно в этот период проявилось стремление писателей реабилитировать плоть, что, в представлении Бахтина, явилось своеобразной «реакцией на аскетизм средневековья». Та же реабилитация плоти будет характерна для литературы рубежа XIX-XX веков. Материально-телесные подробности в средневековой литературе и в народной смеховой культуре, как известно, играли амбивалентную роль, т.к. соединяли небо и землю, космос и социум, рождение и смерть. Наградив героиню говорящим именем «Анастасия», имеющим значение «воскресшая», «возрожденная», писатель подчеркивает ее глубоко положительное начало, универсальное, метафизическое, космическое, повторившееся (внешне) во внучке — будущей жене Иннокентия, осовремененной копии бабушки, и, вероятно, ведущее к еще не родившейся правнучке. Иначе говоря, деменция, дегенерация Анастасии, приземляя рыцарскую идеологию романа, призваны не разрушать высокой пафос повествования, а дать читателю надежду на возрождение, на наличие жизнеутверждающего, рождающего начала.

И тут читателя ждет еще один «сюприз»: перед смертью сознание на мгновение возвращается к Анастасии и она признается в том, что «заказала» убийство соседа, Зарецкого. И это уже на положительное, воскресающее начало, это уничтожение всяких идеалистических устремлений.

Современная наука оказалась не настолько совершенной, чтобы помочь размороженному человеку прожить долгую жизнь, и Иннокентий вскоре умрет. Но читателя не оставляет ощущение, что автор просто не знает, что делать с героями дальше. Открытый финал романа, когда Платонов кружит над городом в самолете, у которого не выпускаются шасси, и вместе с другими пассажирами может погибнуть, а может и выжить, лишь усиливает это ощущение. В конце романа писатель возвращает нас к той христианской идее, вокруг которой завязывался

весь сюжет. Иннокентий обращается к немцу, пассажиру, сидящему рядом с ним (немцев вообще много в романе): «<...> настоящее покаяние — это возвращение к состоянию до греха, своего рода преодоление времени. А грех не исчезает, он остается как бывший грех, как — не поверите — облегчение, потому что раскаян. Он есть — и уничтожен одновременно» [Водолазкин, 2021, 409]. Тема покаяния, несколько запутанно прозвучавшая в романе, — важнейшая для нашего времени. Ведь мы так и не покаялись перед репрессированными, невинно убиенными. Тяжесть стоящей перед обществом задачи обусловлена тем, что не только у репрессированных остались потомки, но и у тех, кто репрессировал. Как народу соединиться в покаянии, как бы задает вопрос автор. Однако его герой думает лишь о собственном грехе перед Зарецким, масштабные вопросы он отмечает.

Заключение

Мы видим, что Евгений Водолазкин пытается решать актуальные для общества проблемы, как и Иван Тургенев в свое время. Поэтому сегодняшний разговор о романе хотелось бы закончить цитатой из статьи Н.Г.Чернышевского о тургеневской «Асе», который, в свою очередь, приводит цитату из евангелия от Матфея: «Старайся примириться с своим противником, пока не дошли вы с ним до суда, а иначе отдаст тебя противник судье, а судья отдаст тебя исполнителю приговоров, и будешь ты ввергнут в темницу и не выйдешь из нее, пока не расплатишься за все до последней мелочи» (Матф., глава V, стих. 25 и 26).

Библиография

1. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и ренессанса // Lib.ru/Классика: Бахтин Михаил Михайлович. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса
2. Водолазкин Е. Авиатор. М.: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2021. — 410 с.
3. Водолазкин Е. Идти бестрепетно: между литературой и жизнью. М.: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2021. — 409.
4. Водолазкин Е. Интервью 1/ <https://www.youtube.com/watch?v=VBV1PjYJvA>
5. Водолазкин Е. Интервью 2 «Человек между толпой и Богом. Евгений Водолазкин о своем новом романе "Авиатор" и эпохе суррогатов. / Фома, М., 2016, №9 // <https://foma.ru/chelovek-mezhdu-tolpoy-i-bogom.html>
6. Водолазкин Е. Лавр. М.: АСТ, 2021.
7. Водолазкин Е. Оправдание Острова. М.: АСТ, 2021.
8. Тургенев И.С. Ас // Тургенев И.С. Повести. Таллинн: Эстонское государственное издательство, 1950.
9. Фуксон Л.Ю. К интерпретации романа Д. Дефо «Робинзон Крузо» / Кемеровский государственный университет // k-interpretatsii-romana-d-defo-robinzon-kruzo.pdf
10. Чернышевский Н.Г. Русский человек на rendezvous. Размышления по прочтении повести г. Тургенева "Ася" // http://az.lib.ru/c/chernyshewskij_n_g/text_0260.shtml

Russian Person at a Rendezvous (based on The Aviator by E. Vodolazkin)

Irina L. Anastas'eva

PhD in Cultural Studies,
Associate Professor,
Lomonosov Moscow State University
119991, 1, Leninskie Gory, Moscow, Russian Federation;
e-mail: anastasyevairina@gmail.com

Irina L. Anastas'eva

Abstract

The article attempts to draw literary parallels between "The Aviator", a novel by E. Vodolazkin, and the works of I.S. Turgenev, as well as to explore the main ideas expressed by the author, to articulate his objectives and issues raised in his work, and to touch upon the topic of reminiscences and allusions to other works of literature and biblical episodes. The general aim of the study is to expose the contemporary cultural context through the actions of a modern literary character. Since the stylistics and the semantics of the images as well as the time to which the characters belong play a significant role in Vodolazkin's novels, it is necessary to outline the mechanisms of change in meaning incorporated in the characterization of the character, which often does not correlate with the character's actions. Since the writer's literary style is anchored in medieval aesthetics, he maintains the connection with the pre-Renaissance axiology when creating a new literary world. The author appeals to universal moral values while simultaneously raising a very important and relevant issue of repentance to the innocent victims of Stalin's repressions.

For citation

Anastas'eva I.L. (2021) Russkii chelovek na rendezvous (po romanu E. Vodolazkina «Aviator») [Russian Person at a Rendezvous (based on The Aviator by E. Vodolazkin)]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 11 (5A), pp. 293-299. DOI: 10.34670/AR.2021.15.30.035

Keywords

Eugene Vodolazkin, "The Aviator", I.S. Turgenev, literary reminiscences, medieval aesthetics.

References

1. Bakhtin M.M. Creativity of Francois Rabelais and folk culture of the Middle Ages and Renaissance // Lib.ru/Classics: Mikhail Mikhailovich Bakhtin. The work of Francois Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and Renaissance
2. Vodolazkin E. Aviator. M.: AST Publishing house: Editorial office of Elena Shubina, 2021. - 410 p.
3. Vodolazkin E. To go without fear: between Literature and life. Moscow: AST Publishing House: Elena Shubina Editorial Office, 2021. - 409.
4. Vodolazkin E. Interview 1/ <https://www.youtube.com/watch?v=VBY1PjYJjvA>
5. Vodolazkin E. Interview 2 "The man between the crowd and God. Evgeny Vodolazkin about his new novel "Aviator" and the era of surrogates. / Thomas, M., 2016, No. 9 // <https://foma.ru/chelovek-mezhdu-tolpoy-i-bogom.html>
6. Vodolazkin E. Lavr. M.: AST, 2021.
7. Vodolazkin E. Justification of the Island. M.: AST, 2021.
8. Turgenev I.S. As // Turgenev I.S. Stories. Tallinn: Estonian State Publishing House, 1950.
9. Fuchson L.Y. To the interpretation of D. Defoe's novel "Robinson Crusoe" / Kemerovo State University // <k-interpretatsii-romana-d-defo-robinson-kruzo.pdf>
10. Chernyshevsky N.G. Russian man on rendezvous. Reflections on reading the story of G. Turgenev "Asya" // http://az.lib.ru/c/chernyshewskij_n_g/text_0260.shtml